СИБУР

ПОЛИТИЯ

XXXIV ГУБЕРНАТОРСКИЕ ЧТЕНИЯ

Тюмень—Москва, 9 сентября 2020 г.

МИР И РОССИЯ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ: ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ?

ГУБЕРНАТОРСКИЕ ЧТЕНИЯ

СИБУР

ПОЛИТИЯ

МИР И РОССИЯ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ: ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ?

XXXIV
Губернаторские чтения

8 сентября 2020 г.
Тюмень–Москва (online)

МОСКВА
2020

Участники дискуссии:

АЛЕКСАНДР МООР — губернатор Тюменской области

СВЯТОСЛАВ КАСПЭ — модератор

ФЕДОР ЛУКЬЯНОВ — Совет по внешней и оборонной политике, журнал «Россия в глобальной политике»

ИГОРЬ ЧУБАРОВ — Тюменский государственный университет

ИРИНА ШИРОКОВА — Департамент по общественным связям, коммуникациям и молодежной политике Тюменской области

АНТОН ПАЛЕЕВ — Общенациональный союз индустрии гостеприимства

ЛАРИСА НЕВИДАЙЛО — уполномоченный по защите прав предпринимателей в Тюменской области

ОЛЬГА ЧУЕНКО — Центр информационных технологий Тюменской области

КОНСТАНТИН ВЕРХОВЦЕВ — Тюменский государственный университет

ИВАН РОМАНЧУК — Тюменский государственный университет

АЛЕКСАНДР ЛЕДАКОВ — глава Голышмановского городского округа

ГУЛЬНАРА БАЯЗИТОВА — Тюменский государственный университет

ДМИТРИЙ НОВИЦКИЙ — Тюменский индустриальный университет

А.В.МООР, губернатор Тюменской области

Итак, «**Губернаторские чтения**» продолжаются. В новом, непривычном формате — но этот год уже приучил нас к новому и непривычному. И научил со всем этим справляться.

Более того, я бы сказал, что 2020 год дополнительно подтвердил важность нашего проекта. Ведь **Чтения** изначально были задуманы как способ расширения нашего кругозора, как способ осознать приходящие из глобального мира вызовы — и научиться на них отвечать. Не легковесно и дилетантски — а разумно, гибко и эффективно. Вот вызовы и пришли, именно из глобального мира. И, может быть, важнее всего сейчас понять, как этот глобальный мир изменился, что ушло в прошлое, что стало принципиально иным, что осталось прежним. И — к чему готовиться дальше.

Я не могу себе представить лучшего собеседника для такого разговора, чем **Федор Александрович Лукьянов**. Его имя известно и его лицо знакомо всем, кто хоть как-то интересовался и интересуется современными глобальными процессами. Председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, член президиума Российского совета по международным делам, директор по научной работе Международного дискуссионного

клуба «Валдай», главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», профессор-исследователь Высшей школы экономики. Автор многочисленных аналитических докладов по наиболее актуальным аспектам международного положения России, в том числе совсем недавнего, выпущенного в мае доклада Валдайского клуба «**Не одичать в „осыпающемся“ мире**».

Так случилось, что совсем недавно у самого **Федора Александровича** было обнаружено заражение коронавирусом. Несмотря на это, **Федор Александрович** проводит наши Чтения в запланированные сроки — и будет говорить о последствиях пандемии уже не только как сторонний наблюдатель. Мы все желаем Вам скорейшего выздоровления — и, когда обстановка позволит, ждем Вас в Тюмени.

Еще несколько слов о содержании и формате предстоящего разговора скажет наш бессменный модератор — **Святослав Игоревич Каспэ**.

С.И.КАСПЭ, доктор политических наук, главный редактор журнала «Полития», профессор Высшей школы экономики

Коллеги, во-первых, я хочу сразу ответить на вопрос, вынесенный в название сегодняшней лекции:

что осталось от глобализации? А вот «**Губернаторские чтения**» и остались. Потому что — прав **Александр Викторович** — они и были задуманы как тюменское окно в глобальный мир, как инструмент подготовки региона к тому, что из этого мира приходит. И, конечно, как инструмент приведения региональной конкурентоспособности к самым высоким — то есть опять же глобальным — стандартам.

Конечно, сейчас из этого окна, мягко выражаясь, дует. Конечно, за ним происходят — и прорываются к нам — не самые приятные вещи. Вот и **Федора Александровича**, так сказать... продуло. Но заколачивать это окно бессмысленно и вредно. Помимо всех других причин — потому что все равно не получится. Потому что от глобализации кое-что осталось. От всего что-то остается — и от античности, и от феодализма, и от реального социализма... Нельзя «закрыть Америку», как бы этого кому-то ни хотелось! И Россию тоже закрыть нельзя. Гораздо важнее понять, что на самом деле в глобальном мире происходит — и играть на успех, а не на поражение.

Во-вторых, еще одно хочу добавить к представлению лектора. Федор Александрович обладает достоинством, особенно важным сегодня. Это достоинство — хладнокровие. Что греха таить, значительная часть нашего экспертного сообщества склонна к паническим реакциям в стиле «Шеф, усё пропало, усё пропало! Гипс снимают, клиент уезжает!» Для некоторых это стало вообще единственным режимом функционирования, особенно в последние месяцы. Тут нет никакой общественной пользы. А коллега Лукьянов, которого я знаю, слушаю и читаю много, много лет, здравого смысла и спокойствия не теряет никогда. Чудовищ, как мы знаем, рождает сон разума. Следовательно, бодрствующий разум побеждает чудовищ. Как именно Федору Александровичу удается поддерживать свой могучий разум в состоянии неусыпного бодрствования — его личный секрет. Но сегодня мы можем прикоснуться к этой его тайне. И, следовательно, подготовиться к борьбе с чудовищами.

Ф.А.ЛУКЬЯНОВ

Конечно, 2020 год войдет в историю. Однако если еще весной нам казалось, что прежний уклад нашей жизни полностью и необратимо разрушен, то теперь шоковое состояние сменилось попытками адаптироваться к происходящему. Стало ясно, что алармизм преувеличен. Ничего принципиально нового в мире не появилось. Но те тенденции, кото-

рые и без того демонстрировали экономика, политика, гуманитарная и технологическая сферы на протяжении всего начала XXI века, получили серьезное ускорение. Иными словами, пандемия стала не поворотным пунктом, а мощным катализатором. Мир не перевернулся; но чем дальше зайдут упомянутые тенденции, тем меньше он будет напоминать ту реальность, к которой мы все привыкли за несколько десятилетий. Отличительной чертой предстоящих лет станет неопределенность.

О каких тенденциях и процессах идет речь?

Прежде всего: в деятельности государств все больший приоритет получают внутренние задачи, а не внешние. Пандемия продемонстрировала, что в форс-мажорной ситуации для гражданина нет ничего важнее государства. Никакое международное сообщество, никакие институты гражданского общества не решат возникающие в таких чрезвычайных условиях проблемы — просто потому, что это не входит в сферу их компетенций. Поэтому государство как институт приобретает бóльшую значимость для каждого конкретного человека, нравится это кому-то или нет. И когда граждане обращаются за помощью к государству, оно должно им ее оказать — пусть даже в ущерб своим внешнеполитическим амбициям. Если, конечно, оно не хочет

потерять свою внутреннюю опору. Иными словами, с формированием особого запроса на новую форму этатизма возрастают и требования к состоятельности, эффективности государства. Важно, что это требование исходит от его собственных граждан и общества, а не какого-то там мирового правительства или глобальной закулисы. Выстраивание гармоничных отношений с населением становится все более приоритетным, а внешняя политика — все более вторичной. Это касается всех стран. Тратить силы на международные игры можно будет только тогда, когда есть уверенность, что внутри все стабильно и общество удовлетворено. Только тогда гражданам можно будет объяснить, зачем вообще заниматься международными проблемами и расходовать на это значительные ресурсы.

Другая тенденция, характеризующаяся сомнениями в безальтернативности либеральной глобализации и стремлением восстановить управляемость на низовом — национальном или региональном — уровне, также усилилась. Особенно ярко это проявилось в Европейском союзе, где от традиционного дискурса о безоговорочном единстве пришлось перейти к фактическому закрытию границ. В сражении с коронавирусом разные государства продемонстрировали, что они собой представляют, — и, как

выяснилось, представляют они собой весьма разные сущности.

Еще одна тенденция, отнюдь не новая, но получившая новый стимул именно теперь, — рост национализма и протекционизма, в смысле замыкания определенных территорий и защиты этих территорий путем ограничения любого рода контактов с другими регионами и их жителями. Мировая система все дальше отходит от модели «универсальных правил» и сдвигается к модели «действий по обстоятельствам». Правила эти начали рассыпаться давно, и такой сдвиг был вполне предсказуем. Но именно пандемия легитимировала стратегии, диктуемые эгоистичным политическим интересом.

Вследствие этого углубилась фрагментация мировой экономики. Это не означает исчезновения глобальной экономики как таковой, речь лишь об изменении ее характера. Никакого разделения на совершенно несвязанные друг с другом сегменты не последует. Но правила и принципы функционирования глобальной экономики будут другими. Либеральная глобализация последней трети XX века достигла своего пика, что выразилось в кризисе ее восприятия: оказалось, что большинство жителей западных стран не устраивают ее последствия. Симптомами этого раздражения стали, например,

победа **Трампа** на президентских выборах в США и Brexit.

Фрагментация мировой экономики означает обострение конкуренции между ее крупнейшими субъектами. Конечно же, я говорю о Китае и США. Теснейший их симбиоз, который постепенно возникал с 1980-х годов, привел к формированию связки «китайское производство — американские деньги и технологии — мировые рынки», приносившей всем ее участникам огромные доходы. Когда гегемон и претендент на гегемонию находятся в таком тесном сотрудничестве, борьба между ними отходит на второй план: слишком очевидна выгода от деловых отношений. Но когда Китай, как вдруг выяснилось, стал получать от этой системы больше дивидендов, чем США, ситуация резко изменилась. Поворот в отношении к Китаю начался в Америке еще до **Трампа**, при **Обаме**, который, правда, маскировал его либеральной риторикой. Сейчас же мы видим острейшую фазу американо-китайской конкуренции, грозящую перерасти в политическую конфронтацию. Ситуация усугубляется предвыборной кампанией в США, потому что **Трамп**, оказавшись в тяжелом положении в ситуации с коронавирусом, стал разыгрывать карту «китайской угрозы». Очевидно, что в американской элите относительно

восприятия Китая как главного противника на ближайшие годы наблюдается консенсус. Все говорит о том, что существующая система симбиоза более нежизнеспособна. Это важно для всех стран, и особенно для России. Как американо-китайский симбиоз был значим для всего мира, так и конфронтация между этими державами будет играть в будущем огромную роль. Любой стране, имеющей хоть какой-то политический вес, придется выбирать, на чью сторону здесь склониться. И от нас обе стороны будут ожидать и требовать если не однозначной манифестации своих симпатий, то как минимум соблюдения нейтралитета.

Это основные тренды, которые будут углубляться и определять нашу жизнь в последующие годы. Что они означают для мира, для России и для каждого из нас?

Главной отличительной чертой предстоящего периода — во всех смыслах и во всех сферах — становится высочайший уровень неопределенности. О том, что мы живем в непредсказуемом мире, мы знаем давно. Однако только сейчас мы осознали невозможность планировать что-либо в горизонте более одного-двух месяцев. И даже если шоковая ситуация весны этого года, когда мир фактически остановился, не повторится (в конце концов по-

следствия нового глобального локдауна могут оказаться совершенно разрушительными), локальные ограничения неизбежны. От того, насколько эффективно в такой ситуации будут действовать правительства разных стран, зависит поддержание хотя бы относительно нормальной жизни. Но необходимо учитывать, что любые международные связи могут быть прерваны в любой момент.

Одной из главных жертв пандемии стала всеобщая мобильность, пика которой мы достигли к третьему десятилетию XXI века. Еще недавно любой человек мог переместиться в любую точку мира. С некоторой оглядкой на уровень доходов и прочие факторы, конечно; но, как известно, если очень нужно или очень хочется, то можно. Мы еще не вполне осознали весь масштаб наступивших изменений, но они уже необратимы. Разумеется, они не означают полного исчезновения мобильности. Но ее размах впредь будет гораздо сильнее определяться целесообразностью и необходимостью, чем желаниями и прихотями путешествующих. С учетом этого будет меняться и вся гигантская инфраструктура, обслуживавшая глобальную мобильность. Переход в онлайн показал нам всем, насколько этой мобильностью можно пожертвовать — оказалось, в огромной степени.

Со снижением мобильности тесно связана и упомянутая уже проблема национальных границ. Мы привыкли полагать, что под флагом глобализации они стираются, и принимаем это как данность. Теперь же становится ясно, что национальные границы очерчивают пространство понимания действующих правил и относительной свободы передвижения. Здесь, в конкретной стране, ты знаешь правила игры. Как только ты перемещаешься за ее пределы, ты действуешь исключительно на свой страх и риск, потому что те правила и нормы, которые приняты там, прежде всего ориентированы на местных жителей. Очень хорошо эту мысль сформулировал **Иван Крастев**, заметив, что национализм теперь перестает быть государственным или этническим: он становится территориальным. Люди, живущие на одной территории, вдруг стали в гораздо большей мере воспринимать себя как единое сообщество — вне зависимости от национальной, языковой или культурной принадлежности. Вот почему стирание границ приостановится или, по крайней мере, сильно замедлится. Это, конечно, не означает, что человек, оказавшийся в чужой стране, автоматически столкнется с неприязненным отношением и будет лишен всякой поддержки. Но тревожные звонки в виде жесткого бытового расизма, в условиях пандемии замеченного в Индии и Таиланде по отношению к белым, очень показательны.

Далее. Предсказуемость международной политики после Второй мировой войны определялась наличием международных институтов, которые тогда и были созданы и которые ограничивали действия государств, вводя их в определенные рамки. Самый известный и крупный институт подобного рода — Организация Объединенных Наций. Поддерживаемый с ее помощью порядок, при всей неприглядности конфронтации времен холодной войны, все же обеспечивал высокую степень регулируемости и урегулированности мировой системы. Такой степени урегулированности не было никогда прежде и, видимо, больше никогда не будет. Ведь обычное состояние международной среды на протяжении большей части человеческой истории — анархия, *bellum omnia contra omnes*, «война всех против всех». Конечно, и до середины XX века предпринимались попытки упорядочить систему международных отношений (примером тому может служить Венская система, сложившаяся после Наполеоновских войн). Однако урегулированность второй половины XX века была особенно крепкой, потому что основывалась на ограниченной конфронтации двух сверхдержав и фиксировалась ядерным парите-

том. С распадом СССР ситуация изменилась. С тех пор вплоть до самого последнего времени предпринимались постоянные попытки подогнать дизайн ранее прочной системы под новые условия, сделав ставку на американскую гегемонию. Но этот сценарий попросту не сработал, потому что США оказались не в состоянии подчинить себе весь мир. Но и восстановить прежний биполярный порядок вряд ли когда-нибудь получится: слишком уж изменился контекст. Это означает, что мир становится гораздо более... волатильным. Отныне и впредь страны будут действовать, опираясь на собственные представления о прекрасном. Вместо универсальных рецептов, которые нам предлагали и навязывали, приходит эпоха этического плюрализма, когда каждый начинает действовать не просто по-своему, а исходя из своего культурного и исторического бэкграунда. «Конец истории» не наступил.

Что же тогда остается? Да, гегемон оказался не на уровне своих претензий. Универсальные правила перестали быть непреложными, все игроки начали по-своему их интерпретировать (и нужно сказать, что первопроходцем здесь стала Россия — еще в 2014 году). Но это не означает, что человечество распалось на изолированные, атомизированные миры. Просто у государств расширились возможности для маневра. И решать вопросы международной политики теперь будут в основном по сирийской модели — когда группа стран, имеющих интерес в конкретном регионе, собирается вместе и изобретает оригинальный формат для решения конкретных проблем. Как это получилось с так называемым Астанинским механизмом, созданным тремя государствами с совершенно разными интересами в Сирии — Россией, Турцией и Ираном, причем сразу после того, как первые два из них фактически оказались на грани войны (когда турками был сбит российский самолет, помните?) Если страны приходят к консенсусу и проблема оказывается решена, формат сворачивается, а где-то еще возникает другой формат, в составе другой группы стран, для решения других вопросов — и так далее. Конечно, это идеальная схема, в действительности все будет куда сложнее. Но в условиях отсутствия универсальных правил и институтов это направление развития представляется наиболее вероятным.

Однако взаимосвязанность мира не сводится к системе международных отношений. Ведь это, помимо прочего, еще и торговые сети, международная логистика. Пандемия ярко продемонстрировала уязвимость этой логистики. Здесь также невозможен сценарий наступления полной автаркии —

хотя бы потому, что в мире существует множество стран, которые в таких условиях выжить не смогут. Без взаимосвязей в системе распределенного производства обойтись, конечно, невозможно. Однако совершенно очевидно, что производственные цепочки будут упрощаться. Просто потому, что чем меньше в них звеньев, тем меньше риски в случае форс-мажора: сложная логистика особенно уязвима.

И где уж совершенно точно не будет никакого отхода от глобализации — так это в сфере коммуникации и информации. Даже несмотря на участившиеся в последнее время разговоры о том, что следовало бы фрагментировать интернет, отключить некоторые страны от глобальной сети под предлогом борьбы с автократическими режимами (особенно часто они звучат в США), представить себе разрыв такой коммуникационной системы попросту невозможно. Может быть, у меня слишком бедная фантазия. Некоторые государства, конечно, демонстрировали примеры отключения интернета на пару-тройку часов (как это было во время протестов в Иране и Белоруссии), однако вряд ли такое отключение возможно на длительный срок — слишком большими будут издержки. А пока интернет в своем текущем виде сохраняется, мир остается глобальным. Не бытие уже определяет сознание, а сознание — бытие. И именно глобальная коммуникационная картина, возникшая на инфраструктуре интернета, в огромной степени наше сознание формирует. Думаю, спорить с этим просто бессмысленно.

Интересно другое. Парадоксальная вещь открывается при взгляде на то, как средства контроля, управления и надзора, которые давно и повсеместно развивались, но многих пугали, отныне оказались морально узаконены. Массовая готовность принять чрезвычайное положение как норму в каком-то смысле выхолащивает всю политическую дискуссию о конфликте демократии и авторитаризма, которая была лейтмотивом предшествующего периода. Технический прогресс сделал методы демократии и авторитаризма трудноотличимыми. Это теперь вынуждены признать даже яростные сторонники демократии. В антиутопический мир, которым нас пугали во второй половине XX века, мы зашли не со стороны **Оруэлла**, а со стороны **Хаксли**. Получили диктат не партийного насилия, а общепринятой целесообразности — с очень близкими результатами.

Россию пандемия застала, как говорится, на переправе. И дело не в процессе конституционных изменений, который был запущен аккурат накануне того, как все смешалось. Процесс, как мы видели,

как раз был благополучно доведен до конца. Однако он не снял ключевые вопросы. И без неожиданных потрясений этого года было понятно, что в российской политике закончен важный этап. Истекшие два десятилетия можно оценивать по-разному, но цели и средства были понятны и ясны — это восстановление международного статуса, стабилизация и укрепление внутренней управляемости государства. Задача реабилитации после драматического коллапса СССР в конце прошлого века была выполнена в той степени, в которой она подлежала выполнению. Но мы по-прежнему на середине пути. Задачи, которые стоят перед государственными органами разных уровней, сегодня очень сложны. Рассчитывать, что мы придумаем новую правильную схему, которую будем поэтапно реализовывать в системе тотальной неопределенности, попросту бессмысленно. Перед Россией стоит нетривиальная задача меняться самой в условиях острой зависимости от внешнего контекста, который совершенно непредсказуем и будет оставаться таким еще долго. Задача, прямо скажем, не для средних умов. Взаимосвязанность мира, как я попытался сегодня показать, никуда не денется — а это значит, что мировые катаклизмы будут аукаться в том числе и у нас. Поэтому и общество, и государство должны сделать все, что-

бы подготовиться к этим катаклизмам. Как? Учиться быть гибкими и ставить четкие цели даже в таких изменчивых условиях.

Может быть, это и есть главная примета новой реальности — осознание того, что полного понимания происходящего больше не будет. Методологически аккуратное научное исследование с четким результатом, который позволит выбрать стратегию поведения и направление движения, — о таком на ближайшие годы не только можно, но и нужно забыть. Управленческий опыт, интуиция, понимание общих процессов и гибкость — вот те качества, которые приобретают сегодня критическое значение. Уверен, что в Тюменской области все это есть.

ДИСКУССИЯ

И.М.ЧУБАРОВ, и.о. директора Института социально-гуманитарных наук, заведующий кафедрой философии Тюменского государственного университета: Реагируя на обострение эпидемиологической ситуации, мы в Тюменской области стали действовать, не дожидаясь указаний «сверху». Еще зимой здесь был открыт обсерватор, в котором размещались граждане, прибывшие из Китая, затем мы активно начали бороться с пандемией уже сре-

ди нашего собственного населения. Когда не только местные власти, но и сами граждане принимают участие в подобного рода деятельности, вне зависимости от федеральных распоряжений, эффект от нее усиливается многократно, что и показал наш опыт. Будет ли упомянутое Вами повышение значимости пространственного фактора и территориальности как таковой — а значит, и региональности — стимулом для появления новых игроков на политическом поле? Возможно ли на этом основании формирование некоей новой системы политических прав и запросов?

Ф.А.ЛУКЬЯНОВ: Я вижу здесь конгломерат различных мотивов. С одной стороны, мы действительно наблюдали сдвиг процесса принятия решений вниз: власть, полномочия и ответственность были делегированы в регионы, решение многих проблем осуществлялось просто самими гражданами. С другой стороны, весенняя драма продемонстрировала важность наличия ресурсов — в самом широком понимании, материальных, медицинских и т.д. — и способности эти ресурсы очень гибко и быстро перемещать для подавления очагов пандемии. И вот именно это осуществить на низовом уровне практически невозможно — это задача государства. Вместе с тем нужно понимать, что одно совершенно не исключает другого: требовательность общественных

организаций, общества как такового к органам власти растет, но вместе с ней возрастает и ответственность с их стороны. Посмотрите на Южную Корею. Там вообще не вводили никакого принудительного карантина. Просто сказали: с сегодняшнего дня носим маски, держим дистанцию 1,5 метра, сюда ходим, туда не ходим. И что же? Мы видим, как тут же в Сеуле все начинают носить маски, держать дистанцию и не ходить туда, куда ходить не рекомендовано. Не запрещено, а не рекомендовано! Там это работает. Вот тогда все и получается. Главное — иметь обратную связь. Проблема же нашей страны на всех этапах ее истории — отсутствие обратной связи. Вот мы и бросаемся от одной крайности к другой: государство у нас все знает и всем в принудительном порядке навязывает надлежащую модель поведения, а общество реагирует на это болезненно и едва ли не враждебно — чего пристали?

И.А.ШИРОКОВА, заместитель директора департамента по общественным связям, коммуникациям и молодежной политике Тюменской области: В последнее время появились исследования, которые показывают, что самой пострадавшей от пандемии категорией населения оказалась молодежь. Это поколение уже начинают называть «потерянным», пророчить ему неспособность внести свой вклад

в развитие нашего общества в глобальной перспективе. Существуют ли какие-то рецепты преодоления сложившейся ситуации?

Ф.А.ЛУКЬЯНОВ: Универсальных рецептов, наверное, нет нигде. И я не хочу высказываться в назидательном тоне — я все-таки еще недостаточно стар. Да, Вы правы, сейчас много пишут о «потерянном поколении». Но все же я думаю, что события этого года на самом деле могут возыметь благотворный, отрезвляющий эффект. Особенно для молодого поколения. Это поколение, которое в массе своей формировалось в условиях, когда возможно все, да еще и с ощущением гарантированного постоянного расширения этих возможностей. Но так не бывает. И жить с таким чувством неправильно, попросту невозможно. 20 лет — самое время задуматься и начать меняться. Хорошо, если ощущение бесшабашности и беспечности уйдет именно сейчас, а не сохранится до момента наступления какого-нибудь по-настоящему тяжелого кризиса. Да и сам концепт «потерянного поколения» в этом контексте я не могу принять. Очевидно, что пандемия усилила тенденцию цифровизации — а перестроиться в цифровую реальность молодому поколению во много раз проще, чем мне, пятидесятилетнему. Полно, такое уж ли оно «потерянное»?

А.В.ПАЛЕЕВ, представитель Общенационального союза индустрии гостеприимства по УрФО и СФО, генеральный директор тренингово-консалтинговой компании «Академия навыков»: Какие индустрии, отрасли производства или сферы услуг будут востребованы в ближайшие годы? И какие из креативных индустрий потенциально могут «выстрелить» после пандемии?

Ф.А.ЛУКЬЯНОВ: Те, кто успел в этом году хоть каким-то образом провести отпуск, заметили, какой всплеск переживает внутренний туризм. Нет худа без добра — пандемия поспособствует развитию этой сферы (примерно так же, как война санкций и контрсанкций стимулировала наше продовольственное производство). Ведь мы обладаем здесь до такой степени недоиспользованным потенциалом, что просто страшно становится. Этот потенциал можно реализовать, даже не прибегая к огромным капиталовложениям.

Думаю, что при этом спрос будет расти на что-то менее массовое. Эпоха массового туризма уходит в прошлое. Будущий тренд — отсутствие туристических толп, более уединенный, более вдумчивый отдых. Ну а для тех, кто по тем или иным обстоятельствам ограничен в передвижении, но все равно хочет строить комфортный мир вокруг себя, будет

и дальше развиваться инфраструктура онлайн-ритейла. Уже сейчас на этом поле развернулась настоящая битва, но ее масштабы возрастут в разы. На наш рынок идут китайские компании, и они могут не глядя растоптать все то, что тут едва зарождается, — просто потому, что у них есть гигантские, невообразимые по российским меркам деньги. Поэтому очень важно задуматься о государственной поддержке собственных сетей онлайн-ритейла.

Л.К.НЕВИДАЙЛО, уполномоченный по защите прав предпринимателей в Тюменской области: Как вы считаете, будет ли роль государства в экономике и дальше возрастать? Какие форматы она примет, и какие из этих форматов кажутся Вам оптимальными?

Ф.А.ЛУКЬЯНОВ: Роль государства в экономике возрастает уже на протяжении долгого времени. Я даже не говорю о нашей экономике — у нас-то, как известно, роль государства возрастает при каждой возможности: иногда к месту, иногда — не очень. Но таков и глобальный тренд. Процесс этот начался давно и сейчас будет только усугубляться — потому что без масштабных мер стимулирования не получится даже вернуться на тот уровень, который был достигнут до пандемии. В такой ситуации особую важность приобретает распределение прав и полномочий по разным уровням власти. Государство

обязано осуществлять поддержку и общую координацию, но оно же должно дать «хозяйствующим субъектам» и больше свободы. У нас же с самого начала пандемии оказалось совершенно непонятно, кто чем управляет и у кого какая роль в поддержании и стимулировании экономического развития. Думаю, по мере успокоения общего психоза у нас появится гораздо больше ясности в плане разграничения ответственности и делегирования полномочий, и первые признаки этого в деятельности правительства уже появились.

О.Ю.ЧУЕНКО, заместитель директора Центра информационных технологий Тюменской области: Развитие цифровых технологий и повальный переход в онлайн несут в себе больше рисков или больше возможностей?

Ф.А.ЛУКЬЯНОВ: Конечно, переход в онлайн начался отнюдь не вчера — просто пандемия превратила этот тренд в абсолютно доминирующий, а в ряде аспектов он стал безальтернативным. По мере успокоения страстей наверняка произойдет некоторый откат, но в общем эта сфера будет развиваться и дальше. Тут нет ничего неожиданного — возьмите научную фантастику пятидесятилетней давности и посмотрите, как именно люди там общаются. Да именно так и общаются, все давно предсказано.

Конечно, с ростом цифровизации увеличиваются и риски нанесения урона складывающимся на ее основе системам. Но любой технологический прогресс в истории человечества всегда несет с собой как возможности, так и риски, иногда фатальные. Ядерная энергия принесла риск полного уничтожения всего на свете — но вместе с тем она открыла возможность обеспечения огромных масс людей дешевой электроэнергией. Примерно так будет и с «цифрой».

К.Н.ВЕРХОВЦЕВ, доцент Тюменского государственного университета: Как изменятся в новом контексте мировая научная повестка, соотношение мировой и национальной науки, научных институтов, а также ситуация с персональным брендом ученого?

Ф.А.ЛУКЬЯНОВ: Замечательный и очень важный вопрос, который всех нас, работников науки и образования, очень волнует. С одной стороны, пандемия поставила вопросы глобального характера, решать которые необходимо сообща, всем миром. Наука и раньше была интернациональной, а теперь она тем более должна такой оставаться (ведь даже разработка антиковидных вакцин нигде не ведется совершенно изолированно). Иначе ни о какой науке не может быть и речи. С другой стороны, когда конкуренция

обостряется и становится признанной нормой жизни, а прежнее напускное лицемерие отбрасывается, борьба за научные достижения становится гораздо более жесткой, а в некоторых отраслях приобретает стратегический характер. Так, США уже сейчас стремятся отсечь Китай от передовых технологических достижений западной цивилизации, и это будет только усугубляться.

Что касается бренда ученого, это отдельная большая тема, которая имеет выход на проблему наукометрии, на необходимость публиковаться и печататься в западных журналах ради создания этого бренда. Конечно, это вещи небессмысленные — вариться в собственном соку не очень продуктивно. Но здесь возникает много других проблем. Гуманитарий может столкнуться с неприятием его терминологии: вот попробуйте в западном научном журнале назвать присоединение Крыма не «аннексией», а как-нибудь иначе! Технарь же, если его разработка относится к стратегически важному направлению, рискует привлечь к себе повышенное внимание со стороны компетентных органов. Так что, увы, простых решений здесь нет и не предвидится.

И.С.РОМАНЧУК, и.о. ректора Тюменского государственного университета: Вы говорили, что прежний

баланс внутренних и внешних целей российской политики себя исчерпал. Каким же может быть новый баланс, как нам его найти?

Ф.А.ЛУКЬЯНОВ: Развернутый ответ на этот вопрос потребовал бы полноценной лекции часа на два. Если очень коротко, то для российской внешней политики последние лет двадцать главной целью было восстановление международного престижа. Ведь престиж в международных отношениях — это фактор материальный. Здесь, кстати, важно разграничивать престиж и популярность: можно быть нелюбимым и критикуемым, но при этом заставлять считаться с твоим мнением. И в целом задача восстановления престижа, полностью потерянного после развала СССР, была выполнена. Теперь же на первое место должна выйти целесообразность. Любые наши действия должны быть целесообразными — то есть сообразными понятной цели — и иметь прямую отдачу. Естественно, это не означает отказа от поддержания престижа, но первостепенной задачей теперь будет четкий выбор приоритетов, понимание того, на что можно и нужно тратить ресурсы в первую очередь, а на что — не стоит. Это общий тренд. Американская политика при **Трампе**, какой бы риторикой она ни сопровождалась, сводится к сворачиванию расходов и вообще любых

демонстративных мер, предпринимаемых исключительно в целях поддержания престижа. Россия же, оставаясь пока в старой парадигме мышления, продолжает нецелесообразно расходовать значительные ресурсы — например, на помощь распадающемуся и полностью обанкротившемуся режиму в Венесуэле. Конечно, здорово: мы показали американцам, что друзей не бросаем. Но в итоге агония венесуэльского режима только затягивается. А зачем он нам вообще нужен? Нет ответа. Разумеется, каждый конкретный случай нужно рассматривать отдельно. Скажем, помощь Сирии в настоящий момент себя полностью окупает, благодаря ей мы наладили отношения с такой важной для нас страной, как Саудовская Аравия. Сирия — это абсолютно осмысленная история. А в случае с южноамериканским партнером мы в настоящий момент действуем лишь из соображений престижа. В этом смысле нам следует вести себя более целесообразно, как бы цинично это ни звучало.

А.Л.ЛЕДАКОВ, глава Голышмановского городского округа: Может ли ситуация с пандемией как-то повлиять на процессы внутренней миграции? Есть ли шанс, что люди из больших городов потянутся в малые населенные пункты?

Ф.А.ЛУКЬЯНОВ: Тут я могу опираться в основном на личный опыт и личные ощущения. Я сам — абсолютно асфальтовый, городской человек. Но после того, что произошло в этом году, посидев три месяца в городской квартире, я впервые задумался о возможности прильнуть к природе — дачным домом обзавестись или в небольшой приятный городок переехать. Это не значит, что я это сделаю, но мысль настойчивая... Думаю, что я в этих размышлениях не одинок. Некоторый отток из крупных городов на время пандемии наблюдался, и он ярко высветил ту же проблему территориального национализма: когда во Франции, Италии, Испании состоятельные сограждане бежали в свои загородные дома, местные жители встречали их порой очень неласково, воспринимая как угрозу. Как бы то ни было, думаю, вряд ли мы можем ожидать лавины переселений. Главное, что показала пандемия, — большой город не является таким уж безопасным пространством, как это считалось раньше. И ощущение, что городская жизнь несет очень много рисков, будет только усиливаться.

С.И.КАСПЭ: Позвольте поделиться некоторым предчувствием, родившимся из чтения экспертной литературы и общения с экспертами-урбанистами. Я думаю, что пандемия (и не только она) действительно нанесет по мегаполисам удар. Отток населения будет — прежде всего потому, что порой становится совершенно непонятно, что в этих мегаполисах делать. Весь Манхэттен после городских бунтов стоит с заколоченными витринами, и выглядит это довольно страшно. В Москве все меньше хочется спускаться в метро, ведь там почти все без масок, — а приходится... Впрочем, я сомневаюсь, что жители мегаполисов станут переезжать в совсем малые города и тем более в сельскую местность — ведь для такой миграции нужно кардинально менять образ жизни, а это непросто. Скорее всего, главным бенефициаром этой динамики окажутся города среднего размера (до 1 млн человек или около того), способные обеспечить достаточные качество и комфорт жизни, привычные жителям мегаполиса. Думаю, понятно, на какой город я сейчас намекаю. На лучший город Земли.

Г.И.БАЯЗИТОВА, заведующая кафедрой новой истории и мировой политики Тюменского государственного университета: О национальных государствах и возрастании их роли с начала пандемии было написано очень много. Вот и Вы в докладе упомянули об анархии в международной политике как о новой примете времени. Но есть ли сценарии, при которых какие-то международные организации смогли бы преодолеть центробежную динамику, про-

тивопоставить что-то усилению национальных государств?

Ф.А.ЛУКЬЯНОВ: Важно понимать, что сами по себе международные организации не обладают правосубъектностью: они обладают только теми возможностями, которые им делегируют государства. Так было всегда. ООН никуда не денется, но предъявлять ей претензии или требовать от нее чего-то — все равно что разговаривать с зеркалом. ООН — это то, что страны-члены позволяют ей делать. До тех пор, пока эти страны не заинтересованы в том, чтобы договориться о новых правилах взаимодействия, ни ООН, ни что-либо еще работать не будут. Я не думаю, что мы полностью вернемся в состояние анархии, как то было в классические времена. Все-таки опыт XX века наложил слишком большой отпечаток на наше сознание, мы боимся анархии. То, что институты, способные регулировать эту анархию, возможны, — факт, мимо которого пройти нельзя. Пусть сейчас они не работают в должной мере, потому что нет баланса сил и интересов, — когда-нибудь, в иной ситуации, баланс будет найден. Проблема лишь в том, что это случится не завтра.

Д.В.НОВИЦКИЙ, директор департамента внеучебной деятельности Тюменского индустриального университета: **Андрей Безруков**, выступавший на «**Губернаторских чтениях**» в 2015 году, уже тогда предсказал, что мир пройдет через небывалые эпидемии и катаклизмы, и эти «черные лебеди» вполне могут стать факторами, определяющими реальность новых политических противостояний. Можно ли рассматривать COVID-19 в качестве такого «черного лебедя», который вырвался из клетки и покусал своего хозяина? Насколько высок риск повторения подобных ситуаций?

Ф.А.ЛУКЬЯНОВ: Ваш вопрос про клетку подразумевает, что этого «лебедя» кто-то вскормил, вырастил, а потом то ли специально, то ли нечаянно выпустил. Я так не думаю. Все это случайное стечение обстоятельств. Случайное, но предсказуемое. Давно было понятно, что деградация, вызванная массовым потреблением, приведет к тому, что природа рано или поздно начнет мстить. «Черные лебеди», если уж следовать этой метафоре, тем и отличаются, что они прилетают с той стороны, откуда их никто не ждет. Коллега **Безруков**, человек очень опытный и плотно занимающийся анализом глобальных рисков, давно говорил о возможности такого сценария — и оказался прав. Собственно говоря, многие рассуждали в подобном ключе. В том, что и дальше будут всякие птицы летать, сомнений нет никаких — просто нужно быть к этому готовым.

РЕЗЮМЕ

Ф.А.ЛУКЬЯНОВ

Я неоднократно говорил о гибкости, которая потребуется от всех нас. Раунд вопросов подтвердил мои слова. Все мы уже живем в состоянии неопределенности, вроде бы готовы к неожиданным событиям, но каждый из нас задается вопросом, что именно будет происходить и когда. Ответ на этот вопрос простой: что угодно, как угодно, когда угодно. Мы в Российской Федерации, при всех изъянах, которые у нас всегда были и всегда будут, через этот шокирующий опыт прошли более или менее успешно, наши системы показали свою работоспособность. Вот с этим знанием и надо подходить к будущему. Уверенность людей в том, что они живут в стране, которая может выстоять в таких условиях, не поколебалась — и это, на мой взгляд, наш главный задел на будущее.

А.В.МООР

В завершающей части своего выступления **Федор Александрович** говорил, что перед нашей страной стоит сложная задача формулирования новых целей. Задача эта, как говорится, не для средних умов. Так вот, проект «**Губернаторских чтений**» как раз и направлен на то, чтобы перевести состояние наших тюменских умов на уровень чуть выше среднего. Очень важно в этом процессе правильно формулировать вопросы. **Федор Александрович** сегодня блестяще помог нам с этим, за что ему хотелось бы выразить огромную благодарность.

Хотел бы высказать свое мнение по поводу вопроса коллеги **Чубарова** — о значении территориальности. На мой взгляд, граждане за время пандемии не только лучше осознали необходимость национального государства, но и с пониманием отнеслись к мероприятиям на региональном уровне. В этом смысле решение федеральных властей действовать не по общим лекалам и шаблонам, а по ситуации, с предоставлением регионам существенных полномочий принесло свои плоды. В большинстве регионов России такая гибкость очень помогла в борьбе с пандемией и ее последствиями, и я искренне полагаю, что этот опыт мог бы быть использован в будущем — при достижении тех целей развития нашей страны, которые мы, как подчеркивал **Федор Александрович**, еще должны верно и точно сформулировать.

Издатель — АНО «Полития»

Ответственный редактор
Святослав Каспэ

Редакторы
Антон Афанасьев,
Лидия Галкина

Корректор
Светлана Микоян

Дизайн, техническое редактирование и компьютерная верстка
Иван Филимонов

Распространяется свободно
при условии ссылки на первоисточник

Подписано в печать 01.10.2020.
Тираж 400 экз.
Отпечатано в ООО «ЭКОТАЙД»
109202, Москва, 1-я Фрезерная ул., д. 2/1, стр. 11